

Жизнь и животъ в диалогах Киевской летописи

М. Л. Лавренченко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(Ярославль, Россия)

В источниках средневековой Руси для обозначения современного понятия «жизнь» использовалось несколько лексем¹: *жизнь*, *животъ*, *житие* и *жительство*. С. С. Аверинцев, сравнивая употребление этих терминов в переводных старославянских и древнегреческих памятниках, обратил внимание на то, что древнегреческое слово βίος, обозначающее ‘образ и форму жизни’, обычно переводится как *житие*, а ζωή в славянских текстах соответствует *животъ*, т. е. ‘принцип и сила жизни’ [Аверинцев 2001: 4–10]. Таким образом, старославянский — один из немногих языков, на который можно перевести определение βίος в Etymologicum magnum: «βίος καὶ τὸ εἶδος τῆς ζωῆς» — ‘Житие есть образ живота’ [Там же]. Помимо βίος в христианских греческих текстах используется также πολιτεία, при переводе которого в восточнославянской христианской культуре устоялся термин *жительство*. По-видимому, пишет С. С. Аверинцев, оно дополняет термин βίος [Там же]². Рассматривая словоупотребление лексем со значением «жизнь» у Константина Преславского в «Учительном Евангелии», Л. Тасева отмечает, что слово *животъ* часто используется в оппозиции к *смерть*, для обозначения вечной жизни применяется лексема *жизнь*, а на земную жизнь указывает *житие* [Тасева 2024]. Касательно термина *жизнь* существуют две версии его распространения в восточнославянской практике: его интерпретируют как старославянское заимствование [Колесов 1987: 76; Килина 2017: 36] или, напротив, как слово, исходно бытовавшее в восточнославянских

¹ Сердечно благодарю П. С. Озерского и И. С. Юрьеву за консультации в процессе написания статьи.

² Порой при переводе βίος книжники использовали слово *жизнь*, что также говорит о широком спектре значений последнего. Πολιτεία могло переводиться и как *житие*, *житье*. Например, в начале «Жития Андрея Юродивого»: «Жизнь (βίον) Богу угодну и житье (πολιτεῖαν) непорочно...» [БЛДР, 2: 330].

обществах и изначально имевшее значение, близкое *животъ* [Жолобов, Баранов 2022: 68–82]; последняя точка зрения представляется автору настоящей статьи более справедливой.

Если в христианской традиции сама жизнь (и как траектория, и как жизненная сила, ее наполняющая) неразрывно связана с Иисусом: «Аз есмь путь и истина и животъ» (Ин. 14:6) [Евангелие от Иоанна: 66], что задает очень широкие рамки использования обозначающих ее лексем, то в текстах, имеющих светский характер, можно наблюдать примеры словоупотреблений более прикладного характера, а также терминологизацию этих слов в отдельных группах источников. По всей вероятности, слова *жизнь* и *животъ* имели довольно узкий спектр значений, относясь к правовым и имущественным категориям, но они также использовались для перевода христианских философских понятий; таким образом, одна и та же лексема могла иметь разное значение в зависимости от регистра языка.

Изучение домонгольских источников показывает богатый спектр применения терминов *житие*, *жизнь* и *живот*, причем многие из основных значений этих слов пересекаются [СлРЯ, 5: 103–104, 109, 116]. Подвергнув лингвостатистическому анализу указанные лексемы в старославянской и восточнославянской литературе, О. Ф. Жолобов и В. А. Баранов выявили серию трансформаций, которые претерпел этот ряд единиц. Исследователи особо выделяют слово *жизнь*, которое, по их мнению, было употребительным в дохристианских социальных кругах (в первую очередь княжеских), но приобрело новый круг значений в богослужебных текстах и цитирующих их произведениях [Жолобов, Баранов 2022: 65–101, с критикой историографии]. Л. Ф. Килина, рассмотрев употребление этих лексем в Киевской летописи и основываясь на словарной классификации, а также определениях В. В. Колесова, выделила следующие превалирующие в данном источнике значения: *животъ* — ‘срок земной жизни человека’, *жизнь* — ‘имущество’, ‘нажитое’, *житие* — ‘земная жизнь’ (в оппозиции к вечной жизни), а также — ‘образ жизни’ ([Килина 2017]; см. также [Килина, Зайнуллина 2017]). Более полный подсчет случаев употребления этих слов был проведен в работе О. Ф. Жолобова и В. А. Баранова [2022: 81–84].

Продолжая анализ этого источника, интересно обратиться к словоупотреблению терминов *жизнь*, *животъ* в княжеских «речах» Киевской летописи, которые, как показал А. А. Зализняк [2008: 23–24; 84–85, 195 и далее], отличаются от авторского повествовательного текста по многим лингвистическим показателям, демонстрирующим их не книжный характер. По всей видимости, эта специфика в значительной мере отражает язык самих Рюриковичей и княжеского окружения, а лексемы *жизнь*, *живот* имеют в этих текстах довольно узкий круг значений прикладного характера. О. Ф. Жолобов

и В. А. Баранов отметили повышение частотности лексемы *жизнь* в Киевской летописи в записях с 6654 (1146) по 6667 (1159) г., при этом исключительно в составе княжеских «речей». Здесь обнаруживается 14 случаев из 16, когда слово *жизнь* применяется только в значении ‘имущество, нажитое’, причем «речи» принадлежали разным персонажам [Жолобов, Баранов 2022: 82–83]; поэтому такое словоупотребление не может быть индивидуальной особенностью. Исследователи приходят к заключению, что таким образом в «речах» Киевской летописи отразился «социальный диалект княжеского круга», что подтверждается спецификой использования этой лексемы [Там же]. Кроме того, О. Ф. Жолобов и В. А. Баранов отмечают, что чаще всего в этих статьях Киевской летописи встречается не сам термин *жизнь*, а словосочетание *вся жизнь*: «это значение слова *жизнь* последовательно соотносится со словосочетаниями, в которых выступает местоимение *всь*» [Там же: 82]. Несмотря на лаконичность многих княжеских реплик, можно уточнить семантику выражения *вся жизнь* в ряде посланий Рюриковичей: это не просто ‘имущество’, ‘нажитое’ — под этим термином обобщаются центры княжеских ремесел и результаты их труда.

Нетрудно заметить, что словосочетание *вся жизнь* появляется в княжеских речах при обсуждении передачи территорий, приносящих доход, а чаще — вторжений в чужую землю, грабежей, т. е. при описании определенного круга ситуаций, с регулярностью возникавших в междукняжеских отношениях в период активных военных конфликтов середины XII в., описание которых в Киевской летописи представлено наиболее подробно и содержит самое большое количество «речей», а также деталей передвижений войск и маневров.

Так, в статье 6655 (1147) г. Киевской летописи рассказывается о том, что Святослав Всеволодич, признав брата своей матери, Изяслава Мстиславича, киевским князем, отпрашивается у него в Чернигов к своим двоюродным дядьям по отцу — Изяславу и Владимиру Давыдовичам, говоря, что у них, как у правителей Чернигова, находятся его основные ресурсы, и он собирается просить у них земли, на которых эти ресурсы расположены: «отце, пусть мя Чернигову напередь — тамо ми жизнь вся у брату моею. У Володимира, у Изяслава хочю волости просити»³ [ПСРЛ, 2: 343; КЛ 1266]. Здесь под *всей*

³ В приведенных летописных цитатах восточнославянская орфография передается упрощенно, но с сохранением буквы «ѣ»; титла раскрываются, заглавные буквы употребляются в соответствии с правилами современного русского языка, пунктуация приближена к современной. Для удобства читателей здесь и далее вводится адресация по двум широко используемым публикациям Киевской летописи: [КЛ] — Киевская летопись в издании, подготовленном И. С. Юрьевой, и [ПСРЛ, 2] — Ипатьевская летопись, опубликованная во 2-м томе Полного собрания русских летописей. После названия источника указываются: лист рукописи — для [КЛ], столбец — для [ПСРЛ, 2].

жизнью подразумевается имущество, которое не может быть перемещено вместе с князем. Очевидно, его также нельзя обменять на равноценные по доходности территории или взамен получить иное у лидера коалиции Изяслава Мстиславича, как князья поступали в других ситуациях [ПСРЛ, 2: 367, 488; КЛ 134а, 1756]. Учитывая сложные отношения Изяслава Мстиславича с Изяславом и Владимиром Давыдовичами, такое решение Святослава Всеволодича не выглядело политически выгодным с точки зрения самого Изяслава Мстиславича, опасавшегося формирования враждебной ему коалиции. Именно поэтому Святослав Всеволодич подчеркивает вынужденность своего отъезда, указывая на наличие в Черниговской земле своей *всей жизни* — ресурса, который, исходя из рассматриваемого эпизода, необходим князю, требует надзора, привязан к конкретной локации и не может быть перенесен без существенных потерь.

В схожей ситуации выражение *вся жизнь* фигурирует и далее, в статье 6656 (1148) г., содержащей обращение Изяслава Мстиславича к своим союзникам во время действий против Святослава Ольговича, Святослава Всеволодича, Изяслава и Владимира Давыдовичей: «Изяславъ же то (согласно Хлебниковскому списку — ту) стоя, и пожже вся села ихъ оли и до Боловоса, нача Изяславъ молвити: “Се есмы села ихъ пожгли вся и жизнь ихъ всю, и они к намъ не выидуть, а поидемъ к Любчю, идеже ихъ есть вся жизнь!”», и тако Изяславъ вдумавъ, поиде к Любчю» [ПСРЛ, 2: 361; КЛ 1326]. Из этой «речи» следует, что *вся жизнь* отлична от *всех сел* (т. е. поселений людей упомянутых князей, возделывавших землю и пасших скот), и локализуется, кроме других мест, в Любече — одном из логистических центров Днепровского торгового пути. Уничтожение *всей жизни*, очевидно, считалось существенным уроном противнику и верным шагом наступления при условии бесперспективности начала осады столичного города. Однако в данной ситуации и попытка осады Любеча оказалась unsuccessful. Об этом разорении *всей жизни* упоминают затем и послы к Юрию Владимировичу от Святослава Ольговича, Владимира и Изяслава Давыдовичей: «а Изяславъ, пришедъ, за Десною города наша пожеглъ, и землю нашу повоевали, а се паки Изяславъ пришедъ опять к Чернигову, ставъ на Олговѣ полѣ, ту села наша пожгли оли до Любча, и всю жизнь нашу повоевали» [ПСРЛ, 2: 363; КЛ 132г–133а]. В этой «речи» *вся жизнь*, разоренная до прихода Изяслава к Чернигову, соответствует *городам за Десной* в жалобе князей Юрию Владимировичу, а среди ущерба, нанесенного походом Изяслава Мстиславича после отказа от осады Чернигова, упоминаются сожженные села, и снова фигурирует *вся жизнь*, которая была *повоевана* (т. е. ‘завоевана’, ‘захвачена в качестве добычи’ [СлРЯ, 15: 164]). Таким образом, *вся жизнь* здесь — ресурс, который все же может быть украден и перенесен, что также указывает

на ремесленные центры, расположенные в небольших городах. Эти центры были близки по характеру жилья сельскохозяйственным центрам — *села*м, однако имели более узкую локализацию, ориентированную, по всей видимости, на торговые пути и доставку производственного сырья, что делало их наиболее уязвимыми для нападавших. При этом значительность урона при разорении ремесленных центров сопоставима с неудачей на поле боя, поскольку князь и его дружина оказываются парализованными прежде всего на военном поприще. Именно поэтому Изяслав и выбирает захват *всей жизни* вместо осады Чернигова как равнозначное по масштабу урона действие.

В статье 6654 (1146) г. говорится о том, как Изяслав Мстиславич и его союзники разорили личные владения братьев Игоря и Святослава Ольговичей: «и оттуда шедше, стаща у Мелтековѣ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша да (возможно, *стада*. — М. Л.) Игорева и Святославля, ста въ лѣсѣ в Порохни, кобыль стадныхъ три тысячи, а конь одна тысяча, пославше же по селомъ пожгоша жита и дворы» [ПСРЛ, 2: 331–332; КЛ 122б–122в]. Эти подробные списки убытков сделаны, вероятно, человеком, близким Святославу Ольговичу, и были вставлены в Киевскую летопись из верного ему протографа. Святослав Ольгович укоряет своих бывших союзников Владимира и Изяслава Давыдовичей в обращенных к ним «речах», имея в виду этот грабеж его территорий, и упоминает в том числе *всю жизнь*: «брата моя, се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожгыли и всю жизнь погубила еста» [ПСРЛ, 2: 332; КЛ 122г]. Здесь термин *вся жизнь* фигурирует в конце списка, наряду с *землей* (территорией), *скотом* (поголовьем домашних животных; учитывая подробный перечень, составленный лояльным Святославу Ольговичу человеком, можно предположить, что здесь подразумеваются конские стада) и *житом*, т. е. зерновыми запасами, которые также встречаются в рассмотренном выше эпизоде. *Вся жизнь* в речи Святослава соответствует *дворам* в списке потерпевшего, и, по всей видимости, обозначает еще один княжеский ресурс, не входивший в другие перечисленные князем группы. Он указывает на имущество, не связанное с землей, собранным с нее урожаем и скотом (лошадьми). Остается предположить, что и здесь под выражением *вся жизнь* подразумеваются центры ремесленного производства, которые были значимым княжеским владением. И хотя в тексте нет указания на прямую связь *всей жизни* с военным делом, присутствие в перечне стад коней свидетельствует о том, что разорены были ресурсы, в первую очередь необходимые для содержания княжеской дружины.

Сам Изяслав Мстиславич использует сочетание *вся жизнь* в послании к Изяславу и Владимиру Давыдовичам, заставляя вспомнить о том, как ранее они поделили имущество двоюродных братьев Давыдовичей — Святослава

и Игоря Ольговичей: «а волости Святослави и Игоревѣ даль ва есмь. Язъ же с вама и Святослава прогналь, а волость ва есмь изискаль, и даль Новъгородъ и Путивль, а жизнь есмы его (Святослава Ольговича. — М. Л.) взяли, а имѣнье его раздѣлилѣ на части, а Игореву я взялъ» [ПСРЛ, 2: 347; КЛ 127в]. Неясно, имелось ли в виду под последним выражением только *имѣнье* Игоря или и его *жизнь* тоже, однако можно предположить экстраполяцию обоих элементов грабежа на имущество брата. При соотнесении этой «речи» с предыдущими становится очевидно, что *взятая* (т. е. ‘захваченная’) Изяславом *жизнь* уничтожена (*погублена*) с точки зрения ее владельца, Святослава Ольговича, что оставляет открытым вопрос о привязке ремесленных центров к определенной локации и потенциальной возможности их переноса. Вероятно, последнее было осуществлено, а владельцы обнаружили разоренное пространство, что и нашло отражение в использованных князьями терминах. Изяслав выделяет три составляющие собственности Игоря и Святослава Ольговичей: волости — земельные владения, с которых доход идет князю, *имѣнье* — личное, очевидно, движимое имущество, которое можно разделить между участниками грабежа, под *жизнью* же подразумевается третий вид княжеских ресурсов. Если *имѣнье* можно не только перенести, но и разделить на части, то о *жизни* говорится, что ее просто *взяли*, что подразумевает захват более комплексного и сложного для перемещения ресурса, что как раз соответствует предложенному выше объяснению.

В этой части Киевской летописи также присутствуют записи, сделанные, вероятно, автором из непосредственного окружения Святослава Ольговича. Они продолжают подробный перечень разграбленного Изяславом и Владимиром Давыдовичами. Книжник останавливается на убытках одного из братьев — Игоря Ольговича. По всей видимости, этот перечень составлял единое целое со списком утрат Святослава Ольговича: «идоста на Игореву селче, идеже бяше устроиль дворъ добръ, бѣ же ту готовизни много въ бретьяничахъ, и в погребѣхъ вина и медовѣ, и что тяжкого товара всякого до желѣза и до мѣди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелѣста имати на возы собѣ, и воемъ, и потомъ повелѣста зажечи дворъ, и церковь святого Георгия, и гумно его, в немже бѣ стоговъ девятьсотъ» [ПСРЛ, 2: 333; КЛ 122г]. В перечне говорится только о движимом имуществе, поскольку летописец упоминает о том, что Изяслав и Владимир с большим трудом вывезли перечисленные ресурсы из села Игоря, где находилась княжеская резиденция (*двор*). Именно эти ценности и были затем переданы Изяславу Мстиславичу, о чем он упомянул позднее: «Игореву я взялъ» [ПСРЛ, 2: 347; КЛ 127в]. Если принять, что перечень княжеских ресурсов Святослава Ольговича, содержащийся в «речи» Изяслава Мстиславича Изяславу и Владимиру Давыдовичам, в общих чертах близок

тем богатствам князя Игоря, которые упомянул автор, близкий Святославу Ольговичу, а приведенные в «речи» Изяслава категории допускают определенную степень обобщения, то, исключив из перечня летописца Святослава Ольговича относимые к продуктам питания и уходу за скотом элементы (также перечисленные в «речи» Изяслава), можно выделить *тяжкий товар до желѣза и до мѣди*, т. е. результаты железного и медного производства, и, возможно, инструменты самого производства. Действительно, это имущество, которое может быть перенесено, хотя и не без потерь (*жизнь есмы его взяли*), и непосредственно связано с *имѣньем*, которое можно разделить на части; поэтому наиболее вероятно, что под *всей жизнью* здесь и подразумеваются именно результаты и инструменты металлического производства.

Понятие *вся жизнь* встречается и в «речи» Изяслава, обращенной к своей дружине: «Изяславъ же рече дружинѣ своеи: «вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли, своихъ сель и своихъ жизни лишився, а язъ паки своя дѣдины и отъчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложаю, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь» [ПСРЛ, 2: 409–410; КЛ 149а]. Здесь словосочетание *вся жизнь* так же соседствует с упоминанием *всех сел*, так что, вероятнее всего, речь снова идет о ремесленных центрах производства, расположенных за пределами города. Обладателями отобранной *всей жизни* были дружинники Изяслава, что позволяет связать это производство с военным делом.

Еще одно упоминание *всей жизни* содержится в повествовательной части летописи под 6666 (1158) г. — не в «речи», а в княжеском некрологе, жанровое своеобразие которого предполагает обращение к высокому регистру речи, не свойственным выражениям, характерным для бытового княжеского лексикона. По всей видимости, выражение *вся жизнь* все же попало в этот текст из княжеской среды, поскольку при подробном описании последних даров княгини книжнику требовалось обратиться к светским терминам, отличающимся точностью. Летописец сообщает под этим годом о смерти супруги Глеба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича, в возрасте восьмидесяти четырех лет; при этом упоминается, что еще ее отец передал Киево-Печерскому монастырю значительные ресурсы (там же, «в головах» у Св. Феодосия, после смерти была положена и княжеская чета): «сии бо Ярополкъ вда всю жизнь свою: Небльскую волость, и Дерьвскую, и Лучскую, и около Киева» [ПСРЛ, 2: 492; КЛ 176г]. Затем следует подробный перечень вкладов Глеба и его супруги: серебро, золото и сѣла (однако *вся жизнь* не упоминается). При описании даров Ярополка Изяславича монастырю *вся жизнь* локализуется на конкретных территориях и может приносить регулярный доход. Так как дар княгини и ее супруга был передан,

«ревнующи отьцю своему Ярополку» (т. е. соревнуясь с ним в значимости даров этому монастырю), указанный доход от дара Ярополка был, по-видимому, соизмерим или близок по характеру перечню даров княгини, что также не исключает наличия на упомянутых территориях ремесленных центров, но может охватывать и другие ресурсы, в том числе сельскохозяйственные.

Вся жизнь упоминается и в другом эпизоде политических перипетий Полоцкого княжества в статье 6667 (1159) г., где описывается, как Рогволод Борисович, используя военную помощь Святослава Ольговича, пытался вернуть свои земли, захваченные братьями. Здесь не приводятся «речи» князя, однако рассуждение летописца, вероятно, написано близко к тексту подобной обвинительной «речи»: «Том же лѣтъ иде Рогъволодь Борисовичъ от Святослава от Олговича искать собѣ волости, поемъ полкъ Святославль, зане не створиша ему милости ему братья его, взявше под нимъ волость его и жизнь его всю». [ПСРЛ, 2: 493; КЛ 177а]. В данном эпизоде земельные владения князя упоминаются отдельно от его *всей жизни*, которая, однако, также находилась на территориях, занятых братьями, и нуждалась в освобождении. Когда жители Полоцка решили признать Рогволода князем, они каются в том, что ранее разграбили *всю жизнь* его, а также его дружины: «княже нашъ, съгрѣшили есмь к Богу и к тобѣ, оже вѣстахомъ на тя без вины, и жизнь твою всю разазграбихомъ, и твоя дружины, а самого, емше, выдахомъ тя» [ПСРЛ, 2: 494; КЛ 177б, в]. Обещание закрыть этот вопрос (т. е. дать гарантию не казнить виновных) стало одним из условий соглашения между городом и князем: «Рогъволодь же цѣлова к нимъ крѣсть на томъ, яко не помянути ему всего того, и отпусти я въ своя си» [ПСРЛ, 2: 494; КЛ 177в]. Это свидетельство подтверждает наличие *всей жизни* не только у князя, но и у дружинников, а также показывает уязвимость этого ресурса — в случае политических конфликтов она оказывается разграблена в первую очередь, причем не только недоброжелателями из числа Рюриковичей, но и своими горожанами.

Итак, несмотря на регулярное движение средневекового князя по землям, его продолжительные военные маневры, смену столов, он оказывался привязан к определенным локациям, где размещались ремесленные мастерские — его *вся жизнь*, — обеспечивавшие боеспособность его дружины, производившие предметы княжеского быта и роскоши. Эти производственные центры были известны как противникам князя, так и горожанам и становились легкой добычей в случае конфликта, что, по-видимому, заметно сковывало его политические и военные действия. В мирное время ремесленные центры оставались стационарными, но могли быть насильственно перемещены в результате грабительских действий противника против их владельца.

Особенно интересное упоминание *жизни* применительно к княжеским ресурсам в интересующем нас значении можно встретить в статье 6767 (1259) г. Галицкой летописи, где говорится о том, как Даниил Романович обустроил свою новую столицу Холм и пригласил в нее ремесленников: «Видивъ же се князь Данило, яко Богу поспевающу месту тому, нача призывати приходае немце и русь, иноязычники, и ляхы идяху день и во день, и уноты, и мастере всяции бежаху ис татаръ, сѣдѣлници и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу, и мѣди, и серебру; и бѣ жизнь, и наполниша дворы» [ПСРЛ, 2: 842]. О. Ф. Жолобов и В. А. Баранов видят в использовании лексемы *жизнь* этом летописном эпизоде значение, которое характерно для более поздних литературных памятников: «у слова *жизнь* впервые отмечается значение, которое фиксируют и современные русские словари, — ‘оживление, деятельность’, близкое такой фразе как “Улицы полны жизни”» [Жолобов, Баранов 2022: 83]. Но здесь глагол *наполниша* относится к мастерам и кузнецам, перечисленным выше, а не к существительному *жизнь*. Дословно этот летописный отрывок можно перевести как «И была (в значении ‘стала’, ‘появилась’) жизнь. И они (ремесленники) наполнили дворы». Таким образом, галицкий книжник констатирует появление у Даниила Романовича в Холме значимого ресурса в результате заселения ремесленников в отстроенный город, а не пытается погрузить читателя в оживленную городскую атмосферу, как поступил бы современный писатель. Значение термина *жизнь* здесь в полной мере раскрыто: это действующие ремесленные мастерские, производящие вооружение и амуницию, без которых действительно невозможна была бы жизнь и князя, и его дружины в средневековой Руси. Мастерские по металлу и коже, выпускавшие седла, колчаны, стрелы, а также кузницы и кожевенные мастерские были уязвимой частью княжеских владений, поскольку без них сам князь и его войско не смогли бы чинить доспехи, подковывать лошадей, пополнять запас стрел и копий, затачивать мечи и восполнять утраты оружия, что надолго замедляло возможности движения и участия в военных действиях. Именно ремесленники и их деятельность являлись *всей жизнью* князя и составляли основное население вокруг княжеской резиденции-двора, однако они также могли быть локализованы в нескольких землях или небольших городах в зависимости от торговых путей и источников сырья.

Разграбление *всей жизни* было первым очевидным шагом по разоружению противника в условиях невозможности долгой осады или неприятия противником открытого боя; именно поэтому Изяслав Мстиславич в конфликте середины XII в. в первую очередь разграбляет *всю жизнь* представителей черниговской династии. Отрыв от производственного сырья и торговых путей был нежелателен для владельца ремесленного центра, поэтому

князя, вероятно, не перевозили эти центры с собой при получении нового стола или территории; однако ремесленные мастерские могли быть украдены и перенесены в другое место противником, что, по-видимому, и подразумевается под выражением «взяли всю жизнь ихъ». Кроме того, мастерские и их работа непосредственно связаны с *имѣньем* — прямыми результатами такого производства. Понятие *вся жизнь* не всегда использовалось в столь узком значении и могло применяться для обозначения иных ремесленных производств, а также результатов их деятельности, ремесленных центров вообще и, шире, дохода с конкретных земель, содержащих такие центры, — как в сообщении о завещании земель Киево-Печерскому монастырю дочерью Ярополка Изяславича.

Другой термин, обозначавший ‘жизнь’ в средневековой Руси — *животъ* — также приобретает в княжеских «речах» Киевской летописи узкоспецифическое значение. Как правило, он использовался для определения хронологических рамок действия того или иного соглашения. Поскольку принципы семейного совладения Рюриковичей, как правило, подразумевали смену княжеских столов после смерти старшего члена династии и их распределение новым правителем, именно момент смерти князя избирался в качестве такого маркера окончания действия соглашения. Подобный хронологический маркер мог использоваться даже в ситуации, когда действующий князь был еще жив и обсуждалось потенциально возможное назначение столов. Так, Всеволод Ольгович, занявший киевский стол после длительного правления ветви династии Мономашичей, рассчитывал передать его по завещанию (т. е. десигнировать [Назаренко 2000: 500–519]) своему брату Игорю Ольговичу. Для осуществления этого замысла он призвал всех действовавших политических акторов своего времени поклясться в том, что они признают Игоря киевским князем после его смерти. Эта попытка десигнации вызвала не только активное обсуждение, но и скептическое восприятие некоторых князей. Действия правителей, связанные с этой попыткой передачи стола по завещанию, привлекли летописца, который, фиксируя соглашения, специально упоминал, в какой момент они были заключены и на что направлены. По-видимому, и общество, и книжника, записывавшего основные события, интересовал вопрос — удастся ли такая передача правления? Так, согласно статье 6652 (1144) г., галицкий князь Владимир Володаревич в безвыходной ситуации предлагает Игорю Ольговичу деньги, на которые можно было получить лояльность киевлян для того, чтобы удержаться на престоле: «и поча Володимеръ слати ко Игореву: “Оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животъ помогу ти про Киевъ”» [ПСРЛ, 2: 316; КЛ 117а]. Здесь смерть Всеволода — точка отсчета, после которой Игорю предстоит действовать самостоятельно и потребуются

ресурсы. Описывая последние приготовления Всеволода к передаче власти, летописец добавляет: «Всеволодъ же, еще сы в животъ своемъ, посла къ Изяславу Мъстиславичю Володислава, зятя своего» [ПСРЛ, 2: 321; КЛ 118г]. Здесь также книжник указывает на нетипичный для него случай, когда вопрос о том, будут ли противники Всеволода Ольговича следовать своему крестоцелованию, задается не после (как это обычно происходило), а до смерти действовавшего киевского князя.

Выражение *до живота* в значении 'до смерти' входило в состав многих княжеских соглашений, сохранившихся в Киевской летописи в виде «речей», но не ограниченных этим источником. Так, при цитировании одного крестоцелования Изяслава и Владимира Давыдовичей, а также Святослава Всеволодича и Святослава Ольговича к Изяславу Мстиславичу в летописи приводятся слова: «вы есте крьсть цѣловали до живота своего» [ПСРЛ, 2: 346; КЛ: 127в], «кръсть есмы цѣловали яко всимъ намъ быти за одинъ» [ПСРЛ, 2: 374; КЛ: 136в]. Опираясь на эти упоминания, можно реконструировать формулу договора: «быти за одинъ до живота» (т. е. до смерти участника соглашения, который целует крест); в данном случае это были Изяслав и Владимир Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич (но не Изяслав Мстиславич). Эта формула в дальнейшем становится устойчивой частью соглашений князей XIV–XV вв., например в dokonчании Василия Дмитриевича с Юрием Дмитриевичем в конце XIV в.: «Быти нам заодин до своег(о) живот(а)» [ДДГ: 40]. Несмотря на то что конкретика (в том числе более точные хронологические и географические рамки) в соглашениях князей появляется в «речах» Киевской летописи лишь во второй трети XII в., выражение *до живота* уже в договорах середины XII столетия ограничивает накладываемые обязательства жизнью произносящего слова клятвы, не распространяя их на его детей и других потомков. В ряде соглашений середины XII в. формула «быти... до живота» получает различные дополнения, в частности поясняющие этот хронологический рубеж при помощи повтора. Так, в соглашении Владимира Володаревича с Изяславом Мстиславичем обязанности Владимира определяются следующим образом: «Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколѣ же еси живъ» [ПСРЛ, 2: 453; КЛ 163в]. Иногда это пояснение использовалось вместо термина *животъ*, что можно считать вариантом формулы или отсылкой к ней. Например, Изяслав Мстиславич говорит Вячеславу Владимировичу: «даи Богъ быти по мѣсту, доколѣ же и жива будевѣ» [ПСРЛ, 2: 420; КЛ 152в].

Момент смерти князя показан как рубеж, после которого прежнее обещание должно быть возобновлено. Так, о соглашении Юрия Владимировича с братом Андреем в статье 6665 (1157) г. говорится, что он обязывался как до, так и после смерти брата позаботиться о его сыне: «цѣловаль бяшетъ

кръсть къ брату своему Андрѣви въ животъ и еще яко по животъ его — волость удержати сынови его» [ПСРЛ, 2: 486; КЛ: 174в]. То, что указание на *животъ* определенного князя служит в качестве хронологической границы действия соглашения, особенно очевидно при рассмотрении договоров конца XII в., когда действующие акторы стремятся изменить практику соглашений и пролонгировать время их действия на сроки жизни детей и других потомков участников. Так, в статье 6703 (1195) г. Рюрик и Давыд Ростиславичи совместно с Всеволодом Юрьевичем предлагают Ярославу Всеволодовичу и другим Ольговичам целовать крест «не искати отъчины наша: Києва и Смоленска под нами и под нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ» [ПСРЛ, 2: 688; КЛ: 237в], однако в своем ответе Ярослав апеллирует к общей схеме родства «мы есмы не угре ни ляхове, но единого дѣда есмы внуци» и подчеркивает, что условия соглашения, как и в предыдущие эпохи, не распространяются на следующие поколения: «при вашемъ животъ не ищемъ его, ажъ по вас кому Богъ дастъ» [ПСРЛ, 2: 689; КЛ: 237в].

Таким образом, в качестве хронологического маркера в соглашениях князей чаще всего употреблялся термин *животъ*, обозначающий дни жизни правителя, который пытался осуществить передачу власти, клялся в верности правителю или стремился выполнить более детальное обещание. Князья могли пояснить этот рубеж дополнением «доколъ же еси живъ».

Любопытно, что при обращении к другой группе источников, демонстрирующих явные признаки не книжных текстов — берестяным грамотам [Зализняк 2008: 23–24, 84–85, 195 и далее] — можно увидеть, что слово *животъ* также характерно для договорных (в том числе торговых) и связанных с ними документов, даже если сохранившиеся размеры бересты не позволяют остановиться на однозначном прочтении текста, как, например, при рассмотрении грамоты № 944 [ДНД: 398]. Термин *животъ* здесь часто обозначает ‘имущество’, причем нередко речь идет именно о результате труда ремесленных производств, как в грамоте № 622 [Там же: 579]. *Животъ* в значении ‘имущество’ обозначает богатство, которое может быть перенесено, как следует из грамоты № 272: «а я безъ другого коня животъ пометаль, а иное розняль» [Там же: 587]. Близкое значение можно встретить в грамоте № 135: «а цо было живота твоего и моего — то все взяли» [Там же: 627]. Термин *животъ* достаточно часто использовался для обозначения разграбленного имущества; ср.: «а живото есть у мнь розграбилъ» (грамота № 252 [Там же: 639]), «а животъ взяле» (грамота № 466 [Там же: 680]), а также в грамоте № 496 [Там же: 682]). Обращает на себя внимание словосочетание *хлеб и животъ весъ*, отделяющее *животъ* от продуктов пропитания в грамоте № 697: «такъ за тобою хлѣбъ мой и жи(во)тъ вѣсь»

[Там же: 576]. Таким образом, спектр значений лексемы *животъ* и связанных с ней выражений в ряде берестяных грамот максимально приближен к тем, которыми обладало выражение *вся жизнь* княжеских «речей» Киевской летописи. Этим словом обозначалось движимое имущество, которое может быть разграблено, украдено или перенесено в случае опасности, но не продукты питания.

Другое значение термина *животъ* в берестяных грамотах — хронологическое, обозначающее отрезок времени, на который приходится жизнь человека, что полностью соответствует его словоупотреблению в «речах» Киевской летописи. Большая часть таких примеров находится в берестяных документах правового характера или близких к ним. Так, в грамоте № 749: «а до моего живота пособьникъ есмь тобѣ» [ДНД: 635]; в грамоте № 49: «у мене Бориса в животѣ нѣтъ» (официальное оповещение о смерти мужа) [Там же: 651]. Выражение «при своѣмъ животѣ» стало стандартной формулой завещания и также сохранилось в этих документах, например в грамоте № 42: «отхожда живота сего, пишо рукописание при своем животе» [Там же: 619]. В грамоте № 519/520 можно найти оба словоупотребления лексемы *животъ*: «пишо рукописаниѣ при своѣмъ животѣ, а приказывае животъ свои дѣтемъ своимъ: Сосенескую землю...» [Там же: 653]. Наличие у лексемы *животъ* двух групп смысловых значений: ‘имущество’ и ‘годы жизни человека’ — в правовом поле договорных отношений не способствовало точности формулировок, что, возможно, и стало причиной распространения выражения *вся жизнь* в значении ‘имущество’ и, уже, ‘центры ремесел и результаты их труда’ в диалогах Рюриковичей XII в.

* * *

«Речи» Киевской летописи показывают узкую терминологизацию лексем *жизнь* и *животъ*. Выражение *вся жизнь* князя использовали для обозначения ремесленных мастерских и результатов их труда, в первую очередь связанных с обеспечением военной деятельности: кузнецов, мастеров по металлу и коже, но также ювелиров и других ремесленников. Словосочетание *вся жизнь* часто употреблялось в паре с выражением *все села*, и, видимо, эти два понятия могли до известной степени пересекаться (когда ремесленные поселения располагались в сельской местности), однако они не являлись взаимозаменяемыми. Согласно Киевской летописи, *вся жизнь* каждого князя имела точную локализацию и не могла быть заменена на аналогичные ресурсы при перераспределении столов. Она составляла, с одной стороны, очень уязвимую часть княжеских владений, но с другой — служила базой для подготовки войска и обеспечения безопасности в походе и в бою, являясь основой профессиональной карьеры князя. Оба аспекта демонстрируют,

что *вся жизнь* действительно была ‘всею жизнью’ в современном смысле слова для Рюриковича и его дружины. Любопытно, что и дружинники имели свои центры производства, не тождественные княжеским, что свидетельствует о значительном уровне их автономности в домонгольский период. *Вся жизнь* могла быть локализована в городе (например, в Любече), но также и за его пределами — в небольших городах и в сельской местности, на что указывают ее упоминания в общем перечне со *всеми селами* на определенной территории.

Слово *животъ* в значении ‘годы жизни человека’ и выражение *до живота* ‘до смерти’ использовались в качестве хронологического маркера, ограничивавшего действие княжеского соглашения смертью участника и не распространявшего его на детей и других потомков принесшего крестоцелование. По всей видимости, такое сужение спектра значений исследованных лексем было характерной особенностью именно договорной лексики Рюриковичей, поскольку язык соглашений (а вместе с тем и взаимных претензий по отдельным пунктам этих соглашений) и других княжеских диалогов не мог содержать многозначные термины, ведь в таком случае возникла бы опасность неверного истолкования претензии или обещания.

Источники и литература

- Аверинцев 2001 — С. С. Аверинцев. Почему Евангелия не биографии // Мир Библии = World of the Bible. М., 2001. № 8. С. 4–10.
- БЛДР, 2 — Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- ДНД — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Жолобов, Баранов 2022 — О. Ф. Жолобов, В. А. Баранов. Трансформации лексического ряда *животъ* — *жизнь* — *житие*: опыт лингвостатистического описания // Вопросы языкознания. 2022. № 2. С. 65–101.
- Евангелие от Иоанна — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая и др. СПб., 1998. (Novum testamenton palaeoslovenice; 1).
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Килина 2017 — Л. Ф. Килина. О семантической эволюции слов *животъ*, *жизнь*, *житие* (На материале Киевской летописи) // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / Под ред. Е. Осипова. Рязань, 2017. С. 31–37.

- Килина, Зайнуллина 2017 — Л. Ф. Килина, С. Р. Зайнуллина. Глагольно-именные устойчивые сочетания с компонентом *животъ*: функционирование и развитие (на материале русских летописей XIII–XV вв.) // Вестник Удмуртского университета. Т. 27. Вып. 3. 2017. С. 429–435.
- КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- Колесов 1986 — В. В. Колесов. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
- Назаренко 2000 — А. В. Назаренко. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. Т. 1. М., 2000. С. 500–519.
- ПСРЛ, 2 — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 285–715.
- СлРЯ, 15 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.
- СлРЯ, 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1987.
- Тасева 2024 — Л. Тасева. *Животъ, житие, жизнь* в Учительного евангелие на Константин Преславски // *Palaeobulgarica*. 2024. № 48 (2). С. 35–58.